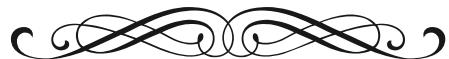


АЛЕКСАНДР БЛОК



ЛИРИКА

РИПОЛ КЛАССИК  
МОСКВА  
2009

УДК 811.161.1  
ББК 84(2Рус=Рос)-5\*84  
Б70

**Блок, А.**

Б70      Лирика / А. Блок. — М. : РИПОЛ классик, 2009. — 592 с.

ISBN 978-5-386-01572-5

В книгу вошли лучшие стихотворения замечательного русского поэта, а том числе циклы «Снежная маска», «На поле Куликовом», «Кармен», «Родина» и др., а так же поэмы «Соловьиный сад», «Возмездие» и «Двенадцать».

**УДК 811.161.1  
ББК 84(2Рус=Рос)-5\*84**

ISBN 978-5-386-01572-5

© Оформление.  
ООО Группа Компаний  
«РИПОЛ классик», 2009

# ВОЛШЕБНИК РУССКОГО СЛОВА

Творчество Александра Блока, замечательного лирика начала XX века — одно из самых выдающихся явлений русской поэзии.

По силе дарования, страстности, по глубине проникновения в чувственные уголки души человека, по удивительному ощущению времени, его исторической значимости Блок встал в ряд тех деятелей русского искусства, которые составляют его гордость и славу.

Стихи поэта увлекают, захватывают своей страстной напряженностью, художественным совершенством, глубиной прозрения, той жаждой прекрасного будущего, ради достижения которого нельзя щадить никаких усилий.

Сам Блок, определяя свой жизненный и творческий путь как «трилогию вочеловечения», вкладывал в это понятие утверждение высших ценностей человеческого бытия, неотъемлемых от народных устоев, от утверждения той прекрасной «дальней цели», какая и составляла суть его самых больших переживаний и творческих поисков.

Родился Александр Блок 16 ноября 1880 года в Петербурге. Отец его, Александр Львович Блок, занимал вплоть до своей смерти в 1909 году кафедру государственного права Варшавского университета.

Будущий поэт вырос в семье матери, дочери знаменитого ботаника А. Н. Бекетова, ректора Петербургского университета, друга Д. И. Менделеева. Их подмосковные имения — Шахматово и Боблово — находились рядом. Там Александр Блок встретил и полюбил дочь Менделеева — Любовь Дмитриевну, свою возлюбленную, невесту, жену.

В петербургском «ректорском» доме и в подмосковной усадьбе Бекетовых господствовали литературные интересы: мать поэта и ее сестра переводили с иностранных языков, писали оригинальные произведения и привили юному Александру «любовь к литературе и незапятнанное понятие о ее высоком значении».

Александра Андреевна Блок, мать поэта, была женщиной религиозно-экзальтированной, придающей огромное значение мистическим проявлениям в человеческом сознании. Она стремилась пробудить в своем сыне способность к развитому воображению, мечтательность, чувственную восторженность, буйство творческой фантазии. И ей это удалось.

В своей первой книге «*Ante lucem*» («До света», 1898—1900) юный Блок, находясь в плену аморфных и неопределенных аллегорий, провозглашает:

*Сама судьба мне завещала  
С благоговением святым  
Светить в предверье Идеала  
Туманным факелом моим...*

Несмотря на все испытываемые им в ту пору влияния, стихи его не сводились к подражаниям и перепевам строк известных поэтов того времени.

Гораздо более зрелый этап творческого развития Блока как поэта определился сборником «Стихи о Прекрасной Даме», в котором страстное любовное чувство к Л. Д. Менделеевой сочеталось с мистикой и увлечением идеалистической философией Платона, воспринятой в трактовке Владимира Соловьева (1848—1901), поэта, философа-идеалиста, оказавшего огромное влияние на мировоззрение Блока.

В лирике В. Соловьева «вечно женственное» преподносится как явление космического масштаба, осмысливается как новый религиозный культ.

Под влиянием этого взгляда на жизнь понятие Любовь, в глазах Блока, обретает черты небесные, а обычная земная девушка — ипостась божества.

В «Стихах о Прекрасной Даме» видны многообразные влияния: от Библии и Платона до А. Фета и В. Брюсова, но много и таких стихов, которые засвидетельствовали — в русскую поэзию пришел большой вдохновенный художник.

Перед революцией 1905 года жизнь для Александра Блока предстала во всех своих острых и непримиримых противоречиях, в угрюмых, горьких и грозных чертах.

Крушение своей мечты о том, что в единении с «Владычицей Вселенной», воплощенной в облике возлюбленной, будет достигнута небесная гармония — «единство с миром», поэт воспринял как мировую катастрофу, «конец времен», Апокалипсис.

В уличных криках толпы, гуле и грохоте приближающегося бунта ему слышалось эхо тех архангельских труб, при звуке которых должны пасть стены огромного современного города.

В этом Городе — «все мимолетно», ничему и никому нельзя верить; женщины бросаются из окон, до плачущего ребенка никому нет дела; общественную мораль пронизывает жалкая и отвратительная «игра вечерних содроганий»; повсюду тени, призраки, оборотни.

В этот период в стихах Блока городские мотивы и зарисовки причудливо переплетаются с видениями Апокалипсиса, серая повседневность граничит с мрачной фантазией кошмаров и ужасов:

*Мамочке не больно, розовые детки.  
Мамочка сама на рельсы легла.  
Доброму человеку, толстой соседке,  
Спасибо, спасибо. Мама не могла...  
Мамочке хорошо. Мама умерла.*

Крушение былых иллюзий переживалось поэтом мучительно, его ужасала окружающая действительность. Этот крах отозвался огромными переменами как в его творчестве, так и во внутреннем мире.

На пути Блока «от личного к общему» (по его словам) 1905 год сыграл переломную, освежающую роль.

Теперь поэт принимает жизнь со всеми кричащими и неразрешимыми противоречиями, вступает в «вечный бой» с темными силами «страшного мира».

Влюбленный мистик необычайно расширил сферу своих творческих исканий. Отныне тема Родины становится в его стихах основной

и главенствующей. Это возрождение к жизни было подобно чуду, которое сам Блок назвал «вторым крещеньем».

Жажда увидеть и познать жизнь во всех ее проявлениях, пусть бурных и грозных, рельефно проступила в его новых стихах и придала им ликующую безудержность, мощь и широту.

Вместе с тем в революции, в бунте поэт видел силу, подобную буре, землетрясению, обвалу в горах; поэтому отныне всякая стихийная сила, которая захватывала и увлекала его, казалась ему силой не только истинно прекрасной, единственно жизненной, но и пугающей своей мощью.

После революции 1905 года наступило время, в котором Блок почувствовал дух «великого предательства». Он ищет выход из депрессивного состояния, характерного в то время для русской интеллигенции.

Спасительный член — любовная лирика. В ней поэт необычайно глубок в своей страстности и широк в осязании мира, несущего «музыку и свет».

Прежде чем окончательно утвердиться в таком понимании и восприятии любви, Блок прошел через многие испытания, обманы, соблазны, с годами все глубже понимая, во что превращается любовь в бесчеловечных условиях «страшного мира», продажного и бездуховного.

В циклах «Снежная маска» (1906—1907) и «Фаина» (1906—1908) мечтательно-возвышенный образ Прекрасной Дамы отвергается ради земной женщины «с живым огнем крылатых глаз», с любовью-страстью в душе, которая «никому, ничему не верна».

*Она была — живой костер  
Из снега и вина.  
Кто раз взглянул в желанный взор,  
Тот знает, кто она...*

В этом загадочном, неодолимо влекущем образе женщины с душой-бурей наблюдается родство с миром звезд и комет, со стихиями земли и неба, причастными к той любви, для которой нет ничего невозможного и запретного.

Но со временем в блоковской лирике женщина-комета, Снежная маска, Незнакомка, которая олицетворяла все прелести и безграничные

возможности мира, невероятно превращалась в ничтожное существо с чертами мелкого стяжателя и хищника, интересы которого направлены исключительно на достижение низменных целей.

К гимну Любви у поэта все явственнее стали примешиваться совсем иные чувства — горечь гнева, презрения, сарказма, отравляющие страсть, некогда казавшуюся прекрасной и безмерной:

*...те же ласки, те же речи,  
Постылый трепет жадных уст,  
И примелькавшиеся плечи...*

Блок считал, что только убив всю ложь и уничтожив яд, «человек» приобщается к любви, в которой «все музыка и свет».

На своем пути к «вочеловечению» он с удивительной зоркостью и чуткостью подмечал все то, что противоречило этому восприятию любви. Его любовная лирика с годами становилась не просто голосом стихии, но и призывом к соотечественникам освободить возлюбленную, невесту — Россию, принести ей «на острье копья — весну».

В статье «Литературный разговор» (1910) поэт горько размышляет: «Безумная русская литература, когда же, наконец, станет тем, чем только и может быть литература — смущением?» Он решительно отвергал эстетически ограниченные представления об искусстве и продолжал свой искренний и мучительный поиск духовной правды.

*О, ницая моя страна,  
Что ты для сердца значишь?  
О, бедная моя жена,  
О чем ты горько плачешь?*

Блок понимал, что в борьбе за будущее, за гармонично развитого «артистического» человека искусству принадлежит огромная и ничем не заменимая роль.

Для него было несомненно, что нельзя жить «мирным счастьем», забывая о тех, кто унижен и обездолен, кого гнетет «непроглядный ужас жизни». Даже рай может оказаться «змеиным», если утрачиваются высшие ценности духовной жизни.

Чувство нерасторжимого родства со всем миром придает блоковской лирике философский размах; даже тогда, когда затрагивается сугубо личная, интимная тема, поэт выходит на историческую, вселенскую проблематику.

Блок придавал огромное значение мельчайшим элементам формы, чтобы воплотить свой художественный замысел, отражающий его поэтическое мировоззрение, его отношение к жизни.

Даже когда он говорит о чередовании «малых дел» и «мелочных забот», то видно его стремление во временном, преходящем уловить нечто исторически непреходящее, в частном найти всеобщее.

*Летели дни, крутясь проклятым роем...  
Вино и страсть терзали жизнь мою...  
И вспомнил я тебя пред аналоем,  
И звал тебя, как молодость свою...  
  
Я звал тебя, но ты не оглянулась,  
Я слезы лил, но ты не сизошла...*

С самого начала своей творческой деятельности Александр Блок пристал к литературному течению, которое проповедовало «новую поэзию», символическую, поэтому его лирика оперировала образами, обретающими не только зрительную «представимость», но смысл и значение символов.

В его стихах явственно ощущается музыкальное начало, призванное победить «древний хаос», внося в него гармоническое начало.

Поэт чувствовал особые ритмы, ведомые только ему, особые размеры, в которых он выражал свою эпоху.

Творчество Блока стало лирической летописью жизни большой части русской интеллигенции начала XX века, ее «пути среди революции» и метаний в поисках истины.

Перед ним, как и перед всяkim художником, вставал и настойчиво требовал ответа неотступный Вопрос: почему венец творения — человек — так беспомощен и жалок перед лицом обступивших его бедствий и ужасов?

В глазах поэта окружающая его современность была страшна не только преступлениями, бесчеловечностью, но и лицемерием, лживостью, двуличностью. В этом «страшном мире» люди свои «темные дела» прикрывают самыми возвышенными словами и «знаками».

Эти невероятные метаморфозы повседневной жизни породили в творчестве Блока образы масок, оборотней, двойников, толпой ворвавшихся в его лирику.

События октября 1917 года Александр Блок встретил «...радостно, с новой верой в очистительную силу революции... Он ходил молодой, веселый, бодрый, с сияющими глазами — и прислушивался к той «музыке революции», к тому шуму от падения старого мира, который непрестанно раздавался у него в ушах, по его собственному свидетельству» (М. А. Бекетова).

Это восторженное чувство и вдохновило поэта на создание поэмы «Двенадцать», этой трагической национальной песни о России, естественно завершающей патриотический цикл стихов «Родина».

Для Блока революция была ответом на его чаяния, она воплощала, как ему казалось, его мятежные мечты, уголяла его ненависть к прошлому, жажду увидеть крушение смердящего «страшного мира».

Но чем больше поэт вслушивался в грохочущую «музыку революции», с ее военно-коммунистической « партитурой», не терпящей анархического своеолия отдельных личностей и групп, тем более «глухим» становился он, замыкаясь в своем потерянном мире грез. На челе творца появилась печать отчаяния и безнадежности.

Блок, подобно Данте, очутился в «темном лесу», у входа в ад, но не вымышенный, а действительный — в ад русского бунта. И вступает он в этот ад с тем же чувством, что и Данте, — с сознанием необходимости и справедливости совершающейся мести.

И у Блока два поводыря: Вергилий — неумолимый римский закон суда и возмездия, и преображенная Прекрасная Дама — обожествленная Россия, стихийная, народная.

В выборе тем его всегда влекло к природному, простому, наивному. Ему была ненавистна мудрствующая толпа, которая кругом «протопта-

ла тропы, осквернив целомудренный снег». Блоку стали «понятны только молчаливые», он провозгласил «праздник молчания».

Певец тончайших чувств стал служителем слова потому, что поэзия — не только слово, но и музыка. Ему было дорого только музыкальное. В его понимании народ, его душа — музыкальны, а интеллигенция, прогресс — немузыкальны.

Еще за два года до Октября Блок пророчествовал, что интеллигенция будет раздавлена народом. Говоря о гоголевской тройке, он спрашивал: «А что, если тройка летит прямо на нас, и тьма, охватившая нас, происходит оттого, что над нами уже повисла косматая грудь коренника и готовы опуститься тяжелые копыта?»

Александр Блок, по своей природе, — обреченная жертва. В нака-  
тившей революции он видел исполнение приговора. «Почему дырявят  
древний собор? Потому что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал  
взятки и водкой торговал»... «Почему грабят в любезных сердцу барских  
усадьбах? Потому что там насиловали и пороли девок: не у того барина,  
так у соседа».

Большевикам поэт не сочувствовал, он смотрел на них так, как Данте смотрел на Цербера, хвостатого Миноса и Вельзевула — обычная ад-  
ская челядь.

Смерть настигла Блока в аду. А ему так хотелось в свой рай, в рай от-  
речения и созерцания, туда, куда ушел Алеша Карамазов...

Человеческая трагедия рыцаря поруганной идеальной Любви давно  
закончилась, но трагедия русской интеллигентской личности кажется  
вечной и... безысходной.

*А. Федосов*